

АРСЕНЬЕВ АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ

независимый исследователь

(Нови-Сад, Сербия)

aarsenjev@gmail.com

Прибытие русских беженцев-эмигрантов в Королевство СХС: свидетельства

Аннотация: В статье публикуются свидетельства, отложившиеся в памяти людей, переживших свой исход с родины. Автор отобрал эпизоды эвакуации, приема и размещения одиночек и семейств в различных регионах Королевства СХС с тем, чтобы показать, как русские вписались в свою новую среду обитания.

Ключевые слова: русские беженцы, эмигранты, Королевство СХС.

Видный сербский историк Мирослав Йованович подробно изучил феномен приезда русских беженцев в Королевство СХС, в 1920-е годы¹. Наше намерение проиллюстрировать этот сюжет свидетельствами, отложившимися в памяти людей, переживших свой исход с родины. Мы отобрали эпизоды эвакуации, приема и размещения одиночек и семейств в различных регионах Королевства СХС, с тем, чтобы показать, как русские вписались в свою новую среду обитания. Интересно познакомиться и с впечатлениями местного населения – какими они видели беженцев. Эти яркие свидетельства (среди которых имеются и неопубликованные) мы посчитали излишним трактовать, обобщать и делать выводы. Приводим их без комментариев.

Тома К. Попович, краевед-летописец древнего приморского города Херцег-Нови, в своей тетради за 1921 год отметил:

«В порт Зеленика прибывает на кораблях разбитая армия генерала П. Врангеля. Среди них есть женщины и дети. Все люди знатные и образованные. Бродят без дела и продают вещи, которые уда-

1 *Йовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005.

лось привезти с собой. Каждый из них готов приняться за любую работу. И это те, кто до войны жили, наслаждались изобилием, были обласканы почестями. <...>

Русский народ слишком набожен, если не сказать – суеверен. Нам, сербам, самым либеральным в этом смысле из всех славян, как-то странно видеть в храме, как русский генерал или адмирал или ученый падает на колени и бьётся лбом о пол. Конечно же, эти наши братья нам милы, поэтому им во всём необходимо как можно больше помогать, чтобы хоть немного облегчить их муки»².

Вера Сорокина в своих воспоминаниях «Бегство из Харькова» записала:

«Высадили нас в Херцег-Нови, в порту Адриатического моря. Всех поместили в громадных ангарах для аэропланов. Мы устроились на чемоданах, подразделились, завесились одеялами. Был декабрь месяц. 6-го января 1921-го года – наш православный сочельник. Дул сильный ветер, море бушевало. Слабый свет освещал наше огромное помещение. Двери скрипели при каждом порыве ветра... Нашелся среди нас священник, собрал молящихся среди ангара, папа организовал хор. И какая это была служба! Под далматинским небом – далеко, далеко от нашей дорогой родины, выброшенные, обездоленные, потерявшие всё! Молились, плакали, пели, обращая свои сердца к рожденному Младенцу Христу, с надеждой простирали свои руки к яслям Его и пели *Слава в вышних Богу и на земли мир*. <...>

Нас отвезли в Боснию, в мусульманское село Козарац. Там нас продержали несколько месяцев. После мы переехали в город Баня-Лука (тоже Босния). Папе, как полковнику, предлагали служить в Сербской армии чином ниже, но он отказался, говоря: «Мне мой чин пожаловал мой царь. Я его заслужил в кровавых боях, и никто не может его у меня отнять!» <...> Он устроился простым рабочим на лесопильном заводе, который находился в 4-х километрах от города. Там устроилась почти вся группа приехавших русских. Ходили, конечно, пешком. Лиля поступила работницей на табачную фабрику»³.

2 Руси у Црној Гори: Руска емиграција у Црној Гори након Октобарске револуције и грађанског рата / пр. З. Локтионов. Бијело Поље, 2011. С. 17–18.

3 Цит. по: Гимназия в лицах: Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920-1944) / Авторы-составители А.Б. Арсеньев, М.Л. Ордовский-Танаевский. Белград, 2018. Кн. 2. С. 93–94.

Встреча Бориса Севериновича Яковлева (1896, Новочеркасск – 1972, Миндельсхайм, Германия) с герцеговинцем в Мостаре:

«В конце 1920 года, по дороге из Которской бухты в Боснию, поезд, в котором ехало нас несколько десятков русских беженцев, остановился в г. Мостар. Нас двое-трое вышли, чтобы в харчевне при вокзале отведать *сливовицу*. В трактире мы застали лишь одного гостя. Некий "Королевич Марко", под огромным герцеговинским тюрбаном сидел за столом и поверх огромных, взъерошенных и грязных усов со знанием дела втягивал в себя дым сквозь длинный чубук.

Завидя нас, его полна достоинства осанка вмиг улетучилась. Он взволнованно прыгнул со стула и подбежал ко мне:

– Ты русский?

Получив ответ, простодушно обнял меня и расцеловал... Его голова опустилась на мое плечо. Он плакал.

Сколько времени потребовалось, сколько проявлений, без шума и бутафорий, непрерывно и могуче выстраивалось от брата к брату, – чтобы эта настолько искренняя и великая любовь вошла на голой горной скалистой герцеговинской местности, чтобы переполнить сердце этого мрачного, пылающим солнцем обжигаемого, леденящими ветрами провеянного, можно сказать, окаменелого подобно его холмам, – горца!»⁴.

*Дмитрий Евгеньевич Панфилов на шахтах «Ртань»,
Восточная Сербия*

В боях отец был неоднократно ранен. У него был пробит нерв правой руки, и она безжизненно повисла. <...> При эвакуации из Крыма на пароходе царил голод. Пересекли Черное море, прошли Босфор и долго стояли на внешней якорной стоянке в Исламабаде. Отец от карабельных моряков получил маленький тазик каши с просом, взамен на свои золотые часы. Тазик он держал здоровой левой рукой (правая была неподвижной), а на кашу со всех сторон набросились изголодавшиеся люди и хватали руками, кто как мог. Отцу не оставалось ничего другого, кроме как окунуть лицо в тазик и быстро глотать. Мне, 15-тилетнему, он это рассказывал пару лет позднее. Ему было стыдно, а мне было его безгранично жалко. Я глотал слезы. <...>

4 Мачкић З. Из Родине у Бањалуку: Руска емиграција у Бањалуци. Бањалука, 2018. С. 13–14.

В Стамбуле они наконец узнали, что направляются в Королевство СХС. Их высыдили в Херцег-Нови. Там поступили умно: постепенно возвращали к жизни. В первый день дали немного какого-то супа и очень мало хлеба. На второй день дали молока и побольше хлеба. Каждый день увеличивали порцию. В основном прибывшие были военные лица, инвалиды и раненные.

Вскоре отец оказался в области Бачка, в селе на берегу Тиссы. Там, у одного из крестьян он работал за еду. Делал всё, что может делать человек, имеющий одну руку. Узнав, что в Сербии рудник каменного угля «Ртань» принимает рабочих всех специальностей, он подал заявление. Как инвалида, его приняли на место воловоза. Дали лошадь и повозку с прикрепленной к ней бочкой. В работу отца входила забота о лошади, поездка ранним утром к роднику, находившемуся на окраине шахтерского поселка, наполнение бочки родниковой водой и развоз воды по квартирам инженеров, чиновников и рабочих. Возил он ее 12 часов в день. Отцу платили 13 динаров в сутки, но вскоре за безупречную работу зарплата была повышена. Работал он и по воскресеньям, и по две смены, когда господа купалась или стирали белье. Сам он жил буквально на хлебе и воде. Копил деньги. Первые два года даже не пробовал мяса, а потом его стал добывать охотой. Это были дикие голуби, гнездившиеся по пещерам.

После ежедневного массажа левой рукой, постепенно стали шевелиться пальцы правой, а потом и целая правая рука. Стал он на руднике работать как слесарь. Подрабатывал продажей заячьего меха, мехами горной белки и лисицы.

Жил он в бараках с 12-15 квартирантами, в основном шахтерами. Там царили постоянные пьянки, драки, скандалы и брань. Не зная языка, «белый» русский офицер оказался в чужой, часто враждебной среде шахтеров, если и не коммунистов, но симпатизировавших большевикам. Работой на износ, отец едва накапливал 10 долларов, которые ежемесячно отправлял семье в Россию – жене и четверым малолетним детям. Они голодали. У него не было времени остановиться, осмотреться, узнать, что происходит вокруг него⁵.

После высадки русских с парохода «Сегед» в дубровницком порту Груз мэр Дубровника д-р Нонвайлер в местной газете обратился с предупреждением к местному населению:

5 Панфилов Е. Воспоминания. (Рукопись). - Собрание д-ра Д.Е. Панфилова, Сремские Карловцы. Евгений Дмитриевич Панфилов (1910 – 1974).

«Наблюдаются, и с полным основанием осуждаются действия многих горожан, вступающих в контакт с русскими беженцами, частично из любопытства, а в большинстве случаев в целях приобрести от них товар, либо за наличные, либо в обмен. Необходимо иметь в виду и помнить, что из-за неблагоприятных условий, среди этой пестрой массы распространены опасные и заразные болезни, скажем более, среди них были случаи сыпного тифа»⁶.

Горожане были изумлены, наблюдая, как русские в первый день Нового 1921 года в Дубровнике купались в море и загорали на солнце⁷.

Несколько заметок о них было опубликовано в белградской газете:

«**Из Дубровника и Гружа.** Если судить по цифрам, в этих населенных пунктах, захлестнутых волной русских беженцев с Крымского полуострова, люди ворочают миллиардами. Нет дома, в котором не осело несколько сотен тысяч рублей. Не иметь их как-то даже неприлично. Один знакомый спросил меня:

– У вас есть русские рубли?

– Нет.

– Как так? Я принесу их вам, на память.

И действительно, на следующий день он принес 15 тыс. рублей, но не хотел мне их продать. Говорит: я обменял их за буханку хлеба. Не подумайте, пожалуйста, что это злоупотребление в их несчастье! Боже упаси, это дневной валютный курс русского рубля. Народ к этому уже привык.

А представьте себе мину на лице одного парикмахера в Груже, когда ему, сразу по высадке беженцев с парохода, один русский предложил оплатить бритье русскими деньгами и тот, согласившись больше из курьеза и любопытства поглядеть на эти деньги, принял от русского господина ни более, ни менее, как 35 тыс. рублей! Парикмахер не соглашался, но русский его убеждал, что таков тариф бритья и стрижки в Крыму.

Жители Дубровника берут рубли как сувенир. Никому не приходит в голову скупать их и торговать ими в городе, где и последний портовой грузчик следит за курсами франка, лиры и доллара и торгует ими, где каждый из них ожидает благодати от большевиз-

6 Narodna svijest. 1920. 8. XII.

7 Там же. 1921. 5. I.

ма, верная картина которого предстает перед ним в виде миллионов рублей от русских беженцев»⁸.

В первые месяцы 1921 года несколько русских интеллигентов группировались вокруг С.М. Власьева, редактора-издателя русской еженедельной газеты «Русский листок» (редакция и контора: Дубровник, Мол, Сербская типография). Вышло всего четыре номера: первый – 15 января, последний – 5 февраля 1921 года. В первом выпуске содержалось трогательное обращение:

«Братьям Славянам. Вынужденные покинуть свой родной кров, мы – дети поруганной и разграбленной России – пришли искать приюта у вас, наши дорогие братья.

Сегодня выходит на Приморские берега гостеприимной и родной нам Юго-Славии первый номер русской газеты. К вам, хозяевам этой земли, настоящее наше слово. Слово не только искреннего приветя, но и задушевного сердечного *спасибо* за теплое радушие, за то, что не чужих, а своих близких вы видите в нас. <...>

Но мы не хотим быть только гостями; мы рады стать на работу, принять участие в строительстве вашей земли не только потому, что это нам даст кусок хлеба, но главным образом потому, что мы верим в великое будущее доблестной Юго-Славии»⁹.

Между тем, лишь смутно представляя ужасы революции и большевистский террор, часть югославской интеллигенции левого уклона с самого начала обращалась к пришельцам:

«В наших общих интересах мы требуем от них, чтобы они приступили к поискам путей возврата на свою родину. Они нужны ей, как мы знаем; они и сами заявляют, что представляют умы России»¹⁰.

Анонимный обозреватель столичной газеты писал:

«Если в первое время после прибытия русских мы к ним относились с состраданием, настала пора государству стремиться получить от них пользу. Так поступают Париж и Прага»¹¹.

8 Иллюстровани лист. 1921. 20–27. I.

9 Русский листок. 1921. 15 января.

10 Nova Evropa. 1922. № 8. S.12.

11 Политика. 1924. 24. VIII.

*Сергей Андреевич Кисловский:
Прибытие в Дубровник (1920 г.) и Апатин (1921 г.)*

На следующий день мы приплыли в Груж – порт города Дубровника, Рагузы. Два дня нас не выгружали, подготавливали помещения, и только 28 ноября [вернее: 3 декабря – прим. А.А.] 1920 года вечером выгрузили на берег. Из Гружа повели в Дубровник. Наконец нас, вшивых и грязных, поселили в старые средневековые крепости. <...> Наша группа попала в крепость без окон и дверей – в Ревелин, остальные, в большинстве случаев семейные, были помещены в средневековый женский монастырь, который возвышался над морем и назывался *Монастырь Святая Мария*.

Среди нас было много больных, главным образом, тифозных, и поэтому нас никуда не выпускали. Мы должны были 14 дней пробыть в карантине. Разместив нас в Ревелине, через несколько дней нас повели снова в Груж, где стоял санитарный поезд. В его составе были баня и отделение для дезинфекции. Нас хорошо вымыли, выкупали, а наши вещи продезинфицировали. После дезинфекции совсем пропали кожаные пояса, а одежду – брюки и куртки – едва можно было снова надеть. Наконец, до некоторой степени мы избавились от вшей. Но не совсем. <...>

Так мы 14 дней просидели в карантине. Время шло очень медленно и у кого были карты, – играли в преферанс и другие игры. Карт было мало, а желающих играть много. Вскоре Дубровник и наш Ревелин посетила делегация из Белграда. Ее предводил российский посол Василий Николаевич Штрандтман. Важный, хорошо одетый, с брезгливой grimасой, он смотрел, как мы расположились на полах, а в Ревелине в то время не было ни окон, ни дверей. В первые же десять дней нашего пребывания в карантине нам выдали двухмесячную ссуду – помощь, в обмен: разменивали наши добровольческие деньги – *колокольчики* на динары. За два месяца дали по 400 динар в месяц. Каждый из нас получил 800 динар. По тем временам это была огромная сумма.

Приловский, мой бывший сослуживец, воспитанный в петербургских бильярдных, умный пройдоха, предложил нам одну операцию, на которой мы рассчитывали хорошо заработать: свои 800 динар, плюс Женины и мои – всего 2.400 динар, он истратил, скупая по всем ресторанам и кафанам в Дубровнике раз игранные карты. Принес в Ревелин три-четыре мешка. Мы два дня эти карты сортировали, разбирали по рубашкам, составляя полные колоды. Нам удалось

составить около двухсот колод. Их мы легко продали сидящим в карантине и жаждущим играть. Продавали по 50 динар за колоду. В эту операцию мы вложили 2.400 динар, а заработали больше 10-ти тысяч. В то время это были огромные деньги. Заработок мы разделили на три части, и я сразу же пошил себе штатский костюм.

Кубанские казачки, которые в Ревелине ютились над нами, на третьем этаже, тоже получили двухмесячный *размен* – по 800 динар. В один из вечеров они у себя устроили выпивку. Здорово напились. Пели песни «Ах, Кубань ты, наша родина» и другие, танцевали, горланили. Один из них почувствовал, что ему надо отправиться «к ветру», покинул компанию и направился к дверям, но по полному делу не попал в дверь, а пошел к окну. Станичник шагнул и с третьего этажа упал на острые скалы. Остальные в беспокойстве выбежали наружу, подбежали к скалам. На камнях лежало неподвижное тело. Стащив его с камней, принесли в помещение. Упавший только мычал и храпел. Утром казачок проснулся. Не верил, что выпал из окна третьего этажа, считал, что земляки его разыгрывают.

После удачной и выгодной распродажи всех колод, весь Ревелин, Мол и монастырь Святой Марии играли в карты. Вскоре и мы подобрали себе компанию желающих играть в преферанс. Нас трое сравнительно хорошо играли в эту игру, а наши партнеры, большинство поповских сынков, имели мало представления о преферансе. Женя [Евгений Гибшман – прим. А.А.], Приловский и я всё свободное время, а его было вдоволь, проводили за картами. Мы садились играть отдельно – каждый с отдельной группой, и почти ежедневно выигрывали около 80–100 динар. Это был солидный доход; мы привыкли каждый день выигрывать на дневные расходы.

Наступил Новый год. В Ревелине мы жили уже больше месяца. Русских по партиям стали расселять по разным городам Королевства. Запрещенной зоной, куда мы не могли попасть, считались Земун, Белград, Панчево, где уже осело слишком много русских из предыдущих эвакуаций. Расселяли группами по 50–70 человек. Эти группы называли русскими колониями. В одну из таких групп попали наши партнеры, у которых мы, играя в преферанс, постоянно выигрывали. Когда подошло время отъезда и их повели в Груж, мы пошли их провожать на вокзал. Там, в ожидании посадки и отправки, мы играли с ними, сидя на перроне – пытались в последний раз выиграть еще несколько динар.

Уехали наши партнеры, и прекратился наш ежедневный заработок. Мы слонялись по Ревелину, как сонные мухи. В больших залах остались лишь старички. Привыкши ежедневно выигрывать, нас трое предложили старичкам сразиться. Они охотно согласились.

– По какой?

– По какой хотите.

Сели мы с ними играть – отдельно Приловский, отдельно Женя и отдельно я. Результаты были плачевные. Каждый из нас проиграл старичкам около 200 динар. За один день мы проиграли то, что зарабатывали в течение недели. На этом игра прекратилась, и распалось наше акционерное общество.

Подошел и наш черед. Группа, около 70-ти человек, в их числе находилось и нас трое, в Грузе была погружена в товарные вагоны и по узкоколейной железной дороге отправлена внутрь страны. Бесконечно, почти сутки, поезд тарыхтел, полз вокруг Попово-поля. Медленно мимо проплывали незнакомые пейзажи, и к концу второго дня мы подъехали к Мостару. Поезд стоял там несколько часов. Нам был приготовлен ужин. Многие ходили в город и из города принесли ведро вина «Жилавка». Это вино мы в вагоне распили.

В Сараево опять нас накормили и перевели в вагоны широкой колеи. Теперь начали ехать быстрее. Приехали в Нови-Сад. Там нас накормили обедом, а к вечеру мы попали в наше место назначения, в Апатин.

Года два тому назад этот город оказался в составе Королевства СХС. Большинство жителей были богатые немцы и венгры. С вокзала повели нас по длинным, бесконечным улицам. Вели, вели – нет конца – всюду однообразные, одноэтажные дома, настоящие крепости – типичные немецкие дома. Наконец, привели к периферийному трактиру, «кафане». Разместили там и угостили ужином. На ужин были приготовлены огромные, диаметром 15 см свиные колбасы. К ним подали и картошку.

На следующий день нас начали расселять, по два человека, по домам зажиточных немцев и венгров. В городе еще ощущался дух старой Австрии и власти принуждали владельцев домов принять нас у себя.

Я и поручик Яковлев были поселены у немца – богатого купца. Этот немец имел большой мануфактурный магазин, дом и молоденькую, хорошенькую 18-летнюю дочку. Вселившись к нему, не проживи и пяти дней, как хозяин пришел в нашу комнату. Он был маленького

роста, толстенький, аккуратный. Войдя в комнату, он внезапно упал перед нами на колени, сложил руки как для молитвы и вскрикнул:

– Пожалуйста, прошу вас, исполните мою просьбу! Переселитесь, я вам найду комнату, буду платить за нее. У меня же молоденькая дочь, и если вы останетесь в моем доме, вы ее испортите!

Удивленные такой просьбой, мы подняли его с пола и, конечно, согласились. Радостный папаша нашел нам комнату недалеко от своего дома и от пивного завода. Замечательную комнату. Она была в саду, совсем отдельный домик, рядом с летней кухней. Принадлежала она аптекарше, старой, важной родовой венгерке. <...>

Началось житье-бытье апатинское. С «разменом» денег возникли какие-то трудности, вместо 400 динар в месяц, каждый беженец стал получать по 240 динар, а вскоре и этот размен прекратился. Наступили тяжелые времена.

В нашей русской столовке можно было за 5 крон (1,25 динар) получить жидкую похлёбку и чай с сахарином. Многие начали подумывать найти работу. Немцы брали поденщиков и им за целый день платили 5 крон, батрака и кормили. В то время начал строиться новый пивной завод и туда на работу устроилось много русских. Поденная плата была 12 крон, то есть 3 динара, при 10-тичасовом рабочем дне. На эту фабрику пошли работать Женя и я. Первый раз в жизни я попал на физическую работу. Целый день мы переносили большие плиты искусственного льда, носили кирпичи, качали воду пожарным насосом, по четыре человека с каждой стороны. К первому вечеру я совсем выбился из сил. К несчастью, когда окончился наш 10-тичасовой рабочий день, с железнодорожной станции привезли три вагона ячменя. Этот ячмень надо было спешно перенести и поместить на третьем этаже магазина. Нам продлили рабочий день еще на два часа. Таская 60-тикиловые мешки с ячменем, я на десятом мешке упал на лестнице от усталости. Придя домой после работы, у меня не было ни одной части тела, которая не болела бы.

Подошли какие-то летние, католические праздники. Меня определили помогать развозить бочёнки пива (по 25 литров), по апатинским трактирам. <...>

В Апатине в русской колонии насчитывалось около 70-ти человек. Состав колонии был неоднородный – она делилась на две половины: Первая – это старые генералы, полковники и пожилые семейные, и другая – мы, холостые нижние военные чины, молодежь. Бразды правления находились в руках первой группы. Нас моло-

дых считали бытовщиками, чуть ли не большевиками. Происходило это оттого, что мы всегда протестовали и требовали правильного распределения присланных американских вещей. Требовали, чтобы эти вещи не раздавались любимцам, а доставались по жребию. Один раз я вытянул счастливый билет и получил кожаную куртку – безрукавку. <...>

Приехав [осенью 1921 года – прим. А.А.] в Белград, вместе у Жени и меня было всего 3 динара. Надо было питаться и мы в «народной кухне» на обед взяли по тарелке молока (молоко я терпеть не мог) – по динару за порцию, и за динар хлеба. Это был наш обед и ужин в первый день переезда в Белград.

На следующий день мы уже работали: я попал на работу, как чернорабочий, на починку «турской калдрмы» – мостовой из крупных булыжников. Рабочий день продолжался десять часов и за работу мы получали 24 динара (а не 3 динара, как в Апатине).

Так начался новый этап в моей жизни – студенческий период. Мы были зачислены студентами и получили право жительства («дозволу») в Белграде¹².

Сохранились сведения о прибытии русских в Велики-Бечкерек, в Банате:

«После первых, *новороссийских* беженцев, которых судьба привела в Бечкерек еще в 1920 году, в начале 1921 года город на берегу р. Бегей принял новые сотни людей *Крымской эвакуации*.

Пережив карантин на берегу Которской бухты в деревянных бараках и ангарах, первые эшелоны Крымской эвакуации тронулись в марте 1921 года узкоколейкой до города Славонски-Брод. Покачиваясь в расхлябанных товарных вагонах, измученные люди, женщины и дети с нетерпением ожидали долгожданный покой в союзном государстве. В пассажирных вагонах они доехали до Белграда и Нови-Сада. После длительной стоянки на запасных путях эшелон прибыл на заурядную станцию Велики-Бечкерек. Отцепили еще три вагона с назначением в село Нови-Итебей. С вокзала всех повели на пристань, возле *Малого моста*. Переночевали под открытым небом. Узнав, что прибыли новые беженцы, на набережной появились русские дамы с чаем и угощениями. Многих отвели спать к себе домой. Завязались знакомства.

12 *Кисловский С.* Воспоминания. (Рукопись) – Семейный архив Кисловских, Нови-Сад, Сергей Андреевич Кисловский (1899, Прилуки, Полтавская губ. – 1995, Нови-Сад), агроном-селекционер.

На следующий день погрузились на пароход *Српче* и после двух часов дороги прибыли под вечер в место назначения – Итебей. На пристани пароход встретили представители местной власти. Встреча была сердечной. Устроили ужин с музыкой и вином. Произносили речи, принимали тосты. Переночевали в школе, на соломе. Всего прибыло около 80 человек.

Через несколько дней женатых оставили в Сербском Итебее, а холостых повели в венгерскую часть села. Вскоре началось распределение на разные работы. Жизнь требовала своего. Сначала подвернулось вкапывание в землю железнодорожных столбов. Нашлась работа и у мужиков, плативших за полевые работы 5 динар в день.

Постепенно налаживалась связь с Бечкерекем, где уже была создана русская колония с помещениями в кофейне *Кригер*. Там существовало и общежитие в доме немецкой школы, а также *Бюро для посредничества в принятии на работу русских эмигрантов*. Прибывшие из Итебея в мае 1921 года в Бечкерек, расположились в общежитии. Спали, как и в Итебее, на соломе. Гораздо легче было нескольким эмигрантам еврейского происхождения. В первые же дни работы на погрузке пшеницы на главной железнодорожной станции, их увели и устроили у себя на работу брата по крови, в чьих руках была торговля зерном и кукурузой»¹³.

Крупный землевладелец и магнат, австрийский граф Рудольф Котек (1852–1921) принял в свой особняк в местечке Стари-Футог (близ Нови-Сада) несколько дворянских семейств: графов Ламсдорф, князей Голицыных, Бехтеевых, Гаевских, Смитен, Вовси, Ясинских, Жеребковых, Цимбалистовых, Турчаниновых, Вишняковых, Чайковских. Алексей Сергеевич Бехтеев (1883, Орловская губ. – 1967, Касабланка, Марокко) вспоминал:

«Мало кто из них верил в то, что большевизм долго продержится. Они ожидали своего скорого возвращения в Россию, а тем временем читали газеты, играли в бридж, гуляли, ездили в Нови-Сад и там тратили деньги. Вскоре оказалось, что в лучшем положении были те, кто не увез с собой золото и драгоценности. Те сразу были вынуждены найти какую-нибудь работу и начать трудовую жизнь.

Граф Котек оказался дальновидным:

– Бедные, – говорил он своим гостям, – они надеются на скорое возвращение домой, а я уверен, что до того времени пройдут де-

13 Павлов Б.Л. Русская колония в Великом Бечкереке (Петровграде – Зренянине). Зренянин, 1994. С. 13–15.

сятилетия. Маловероятно, что кто-либо из этих беженцев дождется увидеть Россию»¹⁴.

Наблюдения Юрия Львовича Ракитина

По приглашению директора Королевского сербского национального театра М. Грола, театральным режиссер Императорских театров в Санкт-Петербурге Юрий Львович Ракитин (1882, Харьков – 1952, Нови-Сад) в задних числах декабря 1920 года прибыл из Константинополя в Белград. Свои первые впечатления о столице Королевства СХС он высказал в одном интервью:

«Белград мне показался убогим небольшим городом. Повсюду уличная грязь. И нехватка квартир. Нам с женой едва удалось найти комнату. Прожив в ней месяц, из нее мы были выдворены, так как комната стала "необходимой для родственников хозяйки". Однако, из Театра протелефонировали в городской участок, и я торжественно был возвращен в эту квартиру. Тут же квартальный потребовал от меня позаботиться о том, чтобы его дочь была обеспечена театральным костюмом для маскарада»¹⁵.

Отдыхая летом 1929 и 1930 года в Дубровнике, Ю.Л. Ракитин отметил печальную картину жизни части русских, которые не покинули Дубровник, а остались жить в городской крепости Ревелин. Он намеревался написать пьесу из эмигрантской жизни, и в своем дневнике 26 июля 1930 года записал:

«Думаю о пьесе. Действие происходит в дубровницком Русском доме, в залах крепости Ревелин. Тут разместились эмигранты после высадки с парохода. Годы идут, а они и далее живут тут, проводят дни в рассуждениях, воспоминаниях и грезах. Бездеятельная эмиграция! Обуреваемые ссорами, интригами, непримиримые друг к другу. Революция опустошила их души, ничего сами не умеют, вернее не могут. Варятся в собственном соку. Герои моей драмы – в основном народ положительный, сердца благородного. Или это аристократизм, до которого уже никому нет дела и с чем труд-

14 Арсеньев А. Самовари у равници: Руска емиграција у Војводини. Нови Сад, 2011. С. 21.

15 Сећања г. Ракитина на прве дане у Београду // Правда. 1920. 19. X.

но примириться, или их всех разъедают сплетни – вторжение в их жизнь действительности. Основной их порок – отсутствие воли»¹⁶.

Эвакуация Харьковского девичьего института из Новороссийска

В марте 1917 г. Временное правительство закрыло Ведомство Императрицы Марии Федоровны и передало Харьковский девичий институт в ведение Министерства народного просвещения. В декабре 1918 г. Харьков был занят большевиками, которые приказали в 3-х дневной срок закрыть Институт. Благодаря энергичным мерам начальницы Института Марии Алексеевны Неклюдовой, около 150 воспитанниц удалось устроить у знакомых Институту лиц по частным домам. Остальных разобрали родители. В 1919 г. в июне Харьков был освобожден армией ген. Деникина и Институт опять начал функционировать, имея свыше 200 воспитанниц. При приближении большевиков в ноябре 1919 г. Институт был эвакуирован в Новороссийск. Эвакуация совершалась в очень тяжелых условиях, но еще страшнее было попасть опять к большевикам. М.А. Неклюдова посетила представителя Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, ген. Ненадича, прося его содействовать переезду Института в Королевство СХС. Через несколько дней разрешение было получено, и 29 января 1920 г. на пароходе «Афон» Институт отплыл в Варну (Болгария), а из Варны поездом отправлен в Белград. 4 марта Институт, в составе 114 воспитанниц, 20 лиц персонала, 12 членов их семей и 5 служителей, прибыл в Нови-Бечей, получив от правительства три школьных здания. Первый выпуск был уже в 1921 г., а всего было 12 выпусков. До его закрытия в 1932 г. Институт окончило 319 воспитанниц¹⁷.

Эвакуация кадет из Одессы

Ко дню эвакуации Одессы, 25 января 1920 года, в здании кадетского корпуса размещались не только одесские кадеты, но и 2-я рота Полоцкого корпуса, а также и Киевский корпус, вывезенный в Одессу после занятия Киева красными. <...>

16 Арсењев А. Ракитин међу руским емигрантима // Зборник Матице српске за сценске уметности и музику. 1995. № 16–17. С. 254.

17 Цит. по: Харьковский институт. 1812–1932. Памятка. Нью-Йорк, 1983. С. 5–6.

С утра были отправлены в порт подводы с личными вещами кадет и персонала, под охраной двух взводов 1-й роты Одесского корпуса и кадет полочан. Немного позже были посланы в порт самостоятельно кадеты 1-й роты Киевского корпуса, без офицеров. Обе части добрались до порта с большими трудностями, так как в городе уже шла стрельба и нападения на отряды белых, проходивших через Одессу. <...> Кадеты и все скопившиеся в порту, подверглись жестокому пулеметному обстрелу со стороны Воронцовского дворца; были ранены два и убит один кадет киевлянин. <...>

Кадеты и чины персонала были подобраны английским крейсером «Церес», а всё имущество пришлось бросить на молу, где оно было разграблено <...> После ухода «Цереса» из порта, все кадеты и чины персонала были пересажены в открытом море на пароход «Рио Негро», который и довез их до Салоники, откуда поездом они через Белград были отправлены в Панчево. По дороге, на узловых станциях какие-то организации, в том числе и русские, кормили кадет. В Панчево все были размещены в здании школы, где во дворе находились российские солдаты [бывшие военнопленные – А.А.], возвращавшиеся в Россию. В скором времени, кадет киевлян (взвод 1-й роты) перевезли в Сисак, вблизи Загреба. Их разместили в военных казармах. С назначением ген. Адамовича директором Сводного русского кадетского корпуса, остатки трех корпусов в Сисаке и Панчево стали одним военно-учебным заведением, которое в июне 1920 года было направлено в Сараево, в бывшую австро-венгерскую казарму¹⁸.

Лидия Михайловна Ираклиди, урожд. Соловьева

Родилась я 17 октября по новому стилю, 4 октября – по старому, 1893 года, в Кишиневе. Там в 1912 году с золотой медалью окончила гимназию и переехала в Одессу, поступив на Высшие женские курсы, историческое отделение, я после четырех лет получила диплом Одесского университета. Изучала и языки, училась в консерватории. <...>

Было мне 27 лет – жила в Одессе. А этот город переходил из рук в руки 18 раз: то к белым, то к красным, то украинцам, то немцам, то французам, грекам... Нам уже всё это было невмозготу. Захватив с собой два чемодана, в 1920 году муж и я направились в порт,

18 Цит. по: Кадетские корпуса за рубежом 1920-1945 / Редакционная комиссия А.М. Росселевич и др. Нью-Йорк, 1970. С. 329-333.

где стояли на якоре английские пароходы, уже переполненные беженцами. Матросы сделали живую цепь, отгораживая тех, кто еще стремился проникнуть на борт. Благодаря моему знанию английского языка и привлекательной внешности – 64 года тому назад я довольно хорошо выглядела – нас пустили на пароход. Я думала, он плывет на Мальту и в Египет, а там нам сказали, что везут нас в Югославию, вернее – в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Я ужасно расстроилась – не видать мне пирамид. Отправляемся в Сербию, а там одни холмы да козы.

И прибыли мы в Скопье. Нас радушно встретили и повели в турецкие ночлеги. Помню, будто это было вчера – 15-е февраля, нас пять супружеских пар. Улеглись мы спать, и каждый из нас прячет свои сумки-портфели под подушку. При мне были документы, а у моего мужа золото и деньги. Нас разбудили уже в 6 часов утра – продолжить путь на Белград. Мы побежали к вокзалу, а я замечаю, у моего мужчины пустые руки. Спрашиваю:

– Портфель где? – А он:

– Я думал...

– А что ты думал?!

Мы остановились посередине моста Царя Душана, я и смотрю: Шара-гора, вся под снегом... блестит... небо темносинее и сапфировое, цветет миндаль – целые облака розовые, мимо проходят женщины с чадрой, мужчины в фесках. Меня обуял хохот, говорю:

– Сейчас, когда мы лишились всего, давай останемся здесь, насладимся этими красотами!

Прожили мы в Скопье три года. Я легко устроилась на работу, так как знала пять мировых языков. Служила я в банке, а муж – в библиотеке. Потом мы переехали в Белград¹⁹.

Пережив в Белграде аресты Гестапо и подкупом освободившись из тюрьмы, после Второй мировой войны Лидия Михайловна поселилась у сестры на ее вилле «Камен мали» в очаровательном городке Цавтат близ Дубровника. По иронии судьбы последний, самый старый русский эмигрант дубровницкого региона скончался как «новый беженец». В годы военных бурь 1990-х годов в Югославии, с «Камня малого» (острого скалистого морского мыса) солдаты обстреливали Дубровник. Вилла была превращена в военный пункт. Пожилую женщину друзья эвакуировали в черногорский порт Хер-

19 Арсеньев А.Б. Русская эмиграция в Дубровнике // Европа. Международный альманах. 2011. № 10. С. 132–133.

цег-Нови, а затем – в воеводинский город Апатин, на берега Дуная. Окруженная заботой и вниманием сербской семьи, Лидия Михайловна Ираклиди (1893–1995) там тихо скончалась на 102-м году жизни.

Семья Родзянок на курорте Враньска-Баня, Южная Сербия

Семья последнего председателя Государственной думы Императорской России покинула Крым на трофейном пароходе «Гамбург». Из Греции, через Болгарию, они прибыли в Королевство СХС. Пятилетний внук Володя (в будущем епископ Василий Американской православной церкви) вспоминал:

«Мы уже подъезжали на телегах, которые день и ночь тащили волю по Южной Сербии, к местечку Враньска-Баня. Это был маленький курорт, деревенско-сельский. Нас встретил молодой сербский священник. Он сразу взял меня на руки и проявил невероятную ласку, любовь, заботу, познакомил со своей матушкой. Оба были очень приветливы. Они поняли главное, что мне нужно в тот момент, – это спать. Меня уложили на огромную подушку, я почувствовал себя словно в раю и сразу заснул. Но главное – выражение лица этого человека. Я никогда его не забуду. <...>

Я полюбил сербов. Я почувствовал, что Сербия – родная для меня страна. *Моя Сербия*, как сказал дедушка. Она стала *моей Сербией* тоже. Я понял, что Сербия дала нам, русским беженцам, рай на земле в известном смысле, так как то, что было до этого – и на корабле, и до корабля, было адом на земле»²⁰.

Жители Сремских Карловцев о русских беженцах

В мемуарах и литературных произведениях сербов в Сремских Карловцах встречаются высказывания о русских. Эти описания красочны, часто неверны, иногда ироничны и ограничиваются внешними наблюдениями. Сегодня они нам скорее говорят о местных нравах и культуре того времени. Так, тетюшка Пава и дядюшка Раде вспоминали:

«А эти русские люди действительно всколыхнули наше местечко, только-только пережившее Мировую войну. <...> В один пре-

20 Цит. по: Гимназия в лицах... Кн 1. С. 343.

красный день в Карловцах оказались части побежденной армии Врангеля. Нам, свидетелям развала австрийских войск, а вслед за ними прибытия сюда их истомившихся сербских преследователей, русские показались случайными пришельцами на маневры, готовыми также внезапно возвратиться домой. Штаб барона Врангеля расположился в старом *Благодеянии* Стратимировича, во дворе которого был установлен столб с императорским российским знаменем. Ежедневно утром и вечером исполнялся торжественный церемониал отдания чести флагу, а казачья музыка ступала нашим местечком, исполняя громкие марши. Сопровождаемый свитой, представительный, барон Врангель ежедневно совершал утреннюю прогулку, верхом на белом коне, пока солдаты его прилежно *экзерцировали* по окрестным холмам. Создавалось впечатление, что триумфальное возвращение войска зависит лишь от этого молчаливого долговязого человека, который, вместе со своими офицерами, не пропускал ни одной воскресной литургии в Соборном храме.

Одновременно с этим воинством появились и священники, монахи. Карловчан особенно тронул пожилой, почти неподвижный митрополит Антоний. Его коляску толкал могучий, бородатый казак, вооруженный кинжалами. Сербское церковное пение вмиг превзошли мощные военные и монашеские хоры, возвращая самым непримиримым скептикам-карловчанам утраченную веру в несокрушимую силу Православия.

Щеголеватые офицеры были расквартированы по лучшим домам, а балы навевали дурман на всё местечко, за одну ночь превратившееся в шумный военный табор. Первые долги господ погашали серебряными табакерками и фамильными драгоценностями. Русские их отдавали с аристократическим легкомыслием, кичливо и с некоторым пренебрежением к недоверчивым мещанам, перед таким богатством неспособными скрыть свое ошеломление и восторг»²¹.

Преподавательница гимназии в Сремских Карловцах, Теодора Петрович, более сдержанная и объективная:

«Здесь русские не общались с местным населением. У них был свой клуб. Собирались они в старом здании *Благодеяния*, некоторые там и жили. Там же располагалась и их большая библиотека с отборными книгами, преимущественно русскими, привезенными с родины. Я себе часто задавала вопрос, как им удалось привести эту уйму

21 *Медаковић Д.* Ефемерис: Хроника једне породице. [Том] 1. Нови Сад, 1998. С. 215–216, 219–222.

книг. Не только книги, но и иконы, самовары, части мебели и множество драгоценностей, от продажи которых большая часть и жила. В те годы в Карловцах были в ходу золотые кольца, браслеты, ожерелья, кулоны, ручные часы. Всё это можно было дешево приобрести.

В среде русских не было трудящихся, а, по-моему, осело и малое число дворян. По совести говоря, помню одну только княгиню Туманову, внешность которой сразу выдавала ее происхождение. Прожила она тут некоторое время, вместе со своей компаньонкой, похожей на нее. Обе одевались роскошно, ходили в больших шляпах и с белыми кружевными зонтиками. Жили в доме покойного профессора Глиши Лазича.

В своем клубе эмигранты создали кружки. Там они *музицировали*, пели, декламировали, ставили спектакли. Среди них были талантливые и разносторонние люди. Выделялся некий полковник Чижов, всегда ходил в штатском. Пока он здесь жил вокруг него протекала и вся культурно-увеселительная жизнь Карловцев. <...> Библиотека Русского клуба и культурная жизнь русских, в особенности хоровая песня, постепенно втянули в их круг некоторых местных жителей, которые, состоя благотворительными членами этого клуба, могли брать на прочтение книги и принимать участие в деятельности любительских кружков. На этой почве так и начались контакты карловчан с русскими, продолжавшиеся пока эмиграция была в сборе и содержала свой клуб, значит – всего несколько первых лет.

С теми же эмигрантами, которые осели здесь надолго, контакты оставались сдержанными. Насколько помню, здешние русские не женились и не выходили замуж. Молодых вроде бы и не было, их можно пересчитать по пальцам. Некоторые приехали с детьми, но те учились в русских школах, вне Карловцев.

Русские царские офицеры, исключая полковника Чижова, ходили в форме, пока она не изнасилась – один так и ходил до конца своей жизни. Пожилые женщины летом предпочитали ходить в белом – у нас это не принято. Большая часть любила выставлять свое дворянское происхождение, но наши им не во всем верили. В особенности тем, кто, кроме русского, другого языка не знал. Были и такие, которые владели французским в совершенстве. Благодаря этим дамам, дававшим частные уроки, много карловацкой молодежи овладело французским языком, за небольшое денежное вознаграждение.

Необходимо подчеркнуть, что наш народ не был хорошего мнения о семейной жизни русских. Мужья им виделись подкаблун-

чниками, а жены лентяйками. Говорили – “те” отлеживаются, читают, командуют, а “эти” готовят обед, совершают покупки, занимаются уборкой»²².

Во время Великой войны русский военнопленный Павел Игнатьевич Семенов (1893, Смоленск – 1963, Бачка-Паланка) был привезен на работы в деревню Гайдобра (Бачка). Попал в семью деревенского врача Пайера, немца. Не пожелав репатриироваться в Советскую Россию, он остался в этой деревне и в 1926 году женился на кухарке врача, Елене Шмидт.

В 1921 году в ту же семью Пайер была направлена группа русских беженцев. Среди них был и офицер Русской армии Сергей Иванович Капкало, уроженец Екатеринослава. В России у него осталась жена, с которой вскоре пришлось прервать переписку, но она ему дала развод и порекомендовала взять в жены Анну, дочь врача Пайера. Так он и поступил. Позднее, вторая дочь врача, Мария Шмидт, вышла замуж за молодого Александра Павловича Семенова. В деревне он получил работу в канцелярии местного управления²³.

Семья Корбе в Петроварадине (пригород Нови-Сада)

Владимир Александрович Корбе (1909, Голта, ныне г. Первомайск, Украина – 2011, Сакраменто, Калифорния), в частном письме и в своих поздних воспоминаниях писал:

«В трагические годы русской революции, когда Украина была оккупирована немецкими и австро-венгерскими войсками, в нашем имении на берегу Южного Буга около города Голта стояла конная батарея. Среди военного персонала был унтер-офицер серб Джаков из Петроварадина. Мои родители делали ему много любезностей, которые он не забыл и, когда первые русские “избеглице” появились в Югославии, он начал нас разыскивать. Найдя нас, он перевез нас из Бока-Которска в Петроварадин. Нашел папе работу в Новом Саду, в страховом обществе “Югославия”, а маме подыскал учеников французского языка. Он нам всячески помогал и платил сторицею за ока-

22 *Петровић Т. Сећања. Нови Сад, 1981. С. 524–543.*

23 *См.: Миловановић С., Петујевић А. Бела Русија: Руска емиграција у Војводини. Нови Сад, 2014. С. 150.*

занное ему внимание в России. В то время он был *Вели капетан* – начальник полиции в Новом Саду»²⁴.

Судьба семьи Локтионовых с Дона необычными путями привела их в Королевство СХС. Георгий Алексеевич Локтионов (1920-е гг., Суботица – 2004, Биело-Поле) из черногорского города Биело-Поле рассказал:

«Вихрь Октябрьской революции уничтожил семейное счастье моих предков, виновных лишь в том, что они были состоятельными людьми. Дед Георгий был убит во дворе своего дома на глазах всей семьи. Бабушку Марию Митрофановну, урожд. Власову, посадили в тюрьму. Моего отца Алексея спас Иван Радоичич, сбежавший из австровенгерской армии и сдавшийся русским. Он спрятал Алексея среди сербских добровольцев, а затем и Марии, моей бабушке, помог выйти из тюрьмы, объяснив властям, что она любовь всей его жизни, и что он увезет ее в Югославию.

Эта любовь, родившаяся в годы смерти и убийств, спасла ветвь Локтионовых и сохранила ее в Черногории. Мать моего отца, Мария Митрофановна, продолжила свою совместную жизнь с Иваном Радоичичем в городе Суботица. А мой отец вскоре влюбился в красавицу из Суботицы, Даницу Джуричич. Любовь увенчалась браком»²⁵.

Русский офицер в селе Дунасекереш

Когда мы приехали в Боку Которскую я все порывался удрать с парохода. Наконец, мне удалось устроиться на подходившем ялике, и я очутился на берегу. Здесь меня зарегистрировали в комендатуре и послали в ангары. Была ранняя весна. У меня ничего не было кроме шинели и я спал, завернувшись в нее на цементном полу ангара.

Через некоторое время уполномоченный выдал нам по 50 динар. Я проиграл эту сумму в шашки. Потом нам выдали по 250 динар и отправили в Дунасекереш. Это небольшое село в Баранье, тогда оккупированное сербскими войсками, а теперь отошедшее к Венгрии при возвращении ей так называемого Байского треугольника.

Приехав в село, мы отправились, как нам было сказано, к «бележнику», представляющему в таком месте высшую власть. Он

24 Корбе В.А. Первый переворот в Югославии: конец первого этапа нашей эмиграции // Кадетская переписка. 2006. № 77. С. 183; Письмо В.А. Корбе к А.Б. Арсеньеву от 20.2.1999. – Собрание А. Арсеньева.

25 Русы у Црној Гори... С. 123–124.

распределил нас по крестьянам и каждого из нас в сопровождении «редара», или вернее – «пандура», как говорят сербы, а по нашему – сотского, отправил на место жительства. Что они между собой говорили, то есть «бележник» и сотский, а затем крестьянин, к которому меня привел сотский с последним – я не знаю, ибо языка я не понимал. Знаю только, что хозяйка сразу же отвела меня в погреб и показала, что я должен разбирать картошку.

Был март, хород еще держался, руки у меня зябли, картошка была полугнилая, скользкая, мокрая, леденяще-холодная. Затем хозяйка предложила мне сала, но я отказался. Тогда она предложила мне молока, что я с удовольствием выпил.

Вечером хозяин привел меня в сарай, где стояли сани, наполненные соломой, и знаками объяснил мне, что здесь я буду спать. Измученный душевно и физически, я завернулся насколько мог протнее в шинель, повалился на салому и заснул тяжелым сном.

Утром я проснулся от того, что кто-то тащил меня за ногу. Это оказался мой «хозяин». Было раннее, серое утро. Мы выехали в поле и там он предложил мне пахать. Будучи мальчиком, я часто ездил в поле с моим дедом. Там я из шалости просил учить меня пахать и наши рабочие конечно очень охотно возились со мной и учили меня. И теперь я стал за плуг умея. Но сильно сказывалось мое ранение и к вечеру я почувствовал себя совершенно разбитым. Но ни на следующий день, ни после я этого абсолютно не показывал, делая всю тяжелую работу, которую на меня взваливали. Я чистил лошадей, что даже любил, так как это мне напоминало юнкерские годы, к тому же у моего крестьянина были чудные кони. Помню только, что я отказался чистить коров.

Но так долго не могло быть, мое здоровье было сильно надломлено, и я не мог подниматься с постели, то есть вернее из своих саней с соломой. Было мне очень плохо, я чувствовал, что дальше вытянуть не могу. Помню, что хозяйка, видя что я болен, хотела давать мне горячее молоко, но хозяин сказал, что если я не работаю, то мне не надо и есть. Правда, это меня мало трогало, ибо когда у меня боли в сердце, я есть не могу вообще.

Дня через два, с помощью одного русского, который меня навестил, я отправился к бележнику, надевши все свои боевые отличия. Что я ему говорил – не помню. Знаю, что мне было всё равно, жить так я всё равно не мог. Результат был тот, что опять со мной пришел «стражар» и что-то говорил хозяину. Правда, в дом меня не переве-

ли, я остался на старом месте. С тех пор никто меня не трогал и никакой работы я не делал.

Вся наша партия, 16 человек, начала тогда собираться у одного нашего члена партии, который случайно устроился по человечески. Его «хозяин» был в России, понял, что он офицер, вообще вошел в его положение и старался облегчить ему его участь как мог. Он дал ему комнату, кормил и поил его и всех его гостей. К нему мы все и ходили.

Сговорившись, мы решили отправиться к бележнику и требовать, чтобы он нас лучше устроил. После долгих переговоров он дал нам две комнаты в центре села, где мы все и поселились. Мы получили кровати, матрацы, но и только. Есть нам было нечего. Мы ждали ссуды, она всё не приходила, и мы буквально голодали. Бележник достал нам откуда-то мешок фасоли, и мы ели ее без всякой приправы²⁶.

*Воспоминания детства Марии Михайловны Чаплинской,
урожд. Волковой (1913, Елисаветград – 1997, Савиняк,
полуостров Истрия, Хорватия)*

Весной 1920 года мы на большом пароходе «Владимир» двинулись дальше. Целый месяц провели в карантине в открытом море вблизи залива Бока-Которская. Затем отплыли далее и выгрузились в порту Кральевица. Устроились в местечках Бакар и Бакарац. Стояла весна. Цвели фиалки. Мы расположились в тесных комнатах. В лесу собирали грибы, было их там много. Я играла с детьми наших хозяев. Наступило лето. На пляже появились гости. Отец в ресторане играл на виолончели, а мои старшие братья разносили мороженое, которые готовили сами. Они стали официантами. Севе было 10 лет, Юре – 11, а мне – 6. Каждый день мы купались в море.

Поздней осенью мы все на поезде отправились в Загреб. Поселились на окраине, в западной части города. Пришла зима. В комнате печки не было. Мама готовила на примусе. Помимо кроватей, стола и двух стульев, в комнате никакой другой мебели. Туалет был во дворе. Папа примкнул к военному оркестру. На второй год Рождества у нас уже была елка и подарки. В комнате и далее царил холод. Мы мерзли. <...>

26 Запись княжны Екатерины Сергеевны Эрнстовой, г. Суботица, нач. 1920-х гг. (Рукопись) – Собрание А. Арсеньева.

Весной отец от Армии получил квартиру в северо-западном районе города. Реквизированную квартиру. В ней там еще жила вдова австрийского офицера, Йозефина Сигисмунд. Когда мы туда въехали, она уже не могла ходить и лежала на заколоченных ящиках – это была ее кровать. Вокруг нее было еще много таких. Она уезжала в Австрию. Нам досталась одна комната и кухня. Наконец, мы стали прилично питаться: на кухне была печка. Можно было справить Пасху. Мы побывали на Заутрене, были у нас кулич, сырная пасха, крашеные яйца.

Жили мы на холме, был свой садик. Нашими хозяевами оказались мясники Мокрович. Старый хозяин уже не работал, лишь его сыновья. У хозяина были и две дочери. Ёлка весь день ела сладкие печенья, а Анка весь день готовила. Держали они коней и коров.

В Загребе открылась Русская гимназия и меня отдали туда. <...>

Австрийка вскоре скончалась. Просто уснула на ящиках. Ее имущество забрал город. Таким образом, нам досталась вторая комната. Но после смерти Йозефины хозяева старались нас выдворить из квартиры. Их сын нам делал ужасные вещи: запирал общий туалет, вилами проколол нашу собаку. Один раз, когда мы все были в городе, он пробил стену нашей квартиры. Стену им пришлось починить и отпереть туалет, но всё-таки стало очень тревожно²⁷.

Владимир Алексеевич Мошин в Копривнице (Хорватия)

Историк, славист, византинист, археограф, протоиерей, академик Македонской Академии наук, Владимир Алексеевич Мошин (1894, Санкт-Петербург – 1987, Скопье) прожил большую жизнь. Из 92 лет, отпущенных ему судьбой, 65 лет он прожил в Югославии.

Как бывший студент Петроградского, Тифлисского и Киевского университетов, в августе 1920 года он вступил в Добровольческую армию, затем воевал в составе Вооруженных сил Юга России. После взятия красными Перекопа, вместе с женой, Ольгой Яковлевной (исполнявшей обязанности полкового врача), был эвакуирован из Крыма на угольщике «Аскольд». В декабре 1920 года семья высадилась с парохода «Владимир» в порту Бакар и была направлена по железной дороге в городок Копривница, в Хорватии, на границе с Венгрией. В 1921 году Владимир Алексеевич в Белграде сдал выпуск-

27 Čaplinski M. Moj život // Književna smotra (Zagreb). 2001. № 119 (1). S. 89.

ные экзамены за университетский курс на историческом отделении историко-филологического факультета, перед Белградской комиссией Общества русских ученых. Оставшись в Копривнице, супруги получили преподавательскую работу в местной гимназии. В своих «Воспоминаниях», написанных в конце жизни, В.А. Мошин отметил:

«Благодаря гостеприимному отношению всего местного общества, оказавшего приют как русским семьям, так и беженцам-одиночкам, очень быстро все мы живо вошли в местную среду, где культурное хорватское общество, семьи тамошних сербов и богатые еврейские дома соперничали между собой в размерах внимания к нам и посильной помощи особо нуждающимся беженцам. <...>

В коллективе гимназии царил дух славянофильства, отражая общее настроение хорватской интеллигенции. В служебной обстановке преподаватели жили дружно, не перенося в школу настроения улиц, в связи с политической борьбой хорватской националистической партии»²⁸.

Переезды семьи Волковых по Королевству СХС

Во время Великой войны Григорий Васильевич Волков (1891, Киев – 1942, Югославия) был произведен в прапорщики, участвовал в разведывательных полетах на аэропланах – «этажерках», на Северном фронте. Жена его и трое детей в то время жили в Гельсингфорсе. После большевистского переворота 1917 года и получения Финляндией независимости, Волковы двинулись на юг. Им удалось добраться до Новороссийска, откуда они были эвакуированы в Константинополь.

После длительных скитаний они оказались на небольшом хорватском острове Шолта в Адриатическом море. Там Григорию Васильевичу удалось собрать из местных жителей духовой оркестр, концертами которого какое-то время кормилась семья. Позднее, в монастыре Раковица он работал в каменоломне. Затем последовал переезд в Македонию. Глава семейства, уже с пятью детьми, зарабатывал преподаванием музыки в гимназиях. В августе 1926 года он был рукоположен в иереи. Свой первый приход получил в Башином-селе в Македонии. Тут молодому русскому иерею пришлось срочно спасти здание храма, которое могло рухнуть под тяжестью покрытой

28 Мошин В., протоиерей. Воспоминания. Осташков, 2012. С. 77, 83.

каменными плитами крыше. Отца Григория определяли в разные деревенские сербские приходы, отчего семья редко надолго задерживалась в одном месте.

В 1941 году война пришла в Югославию. А в следующем году семью Волковых постигла беда: бесследно исчез в селе глава семьи, отец Григорий. Сын Анатолий был арестован в Белграде, и в 1944 году пропал без вести.

Вдова и четверо детей после войны обосновались в Венесуэле и США²⁹.

Есауловская Донская казачья станица в селе Томашевац

Две донские казачьи станицы в воеводинской области Банат были единственными в мире. Своё название они получили не по местам, в которых обосновались на чужбине, а сохранили изначальное – Есауловская и Верхне-Курмоярская, Второго Донского округа, соседствующие и в Банате – в селах Томашевац и Сакуле (общей численностью до сотни казаков). Из своих станиц казаки двинулись в поход во главе со станичными атаманами, правлением, казной, административными книгами и печатью.

«Есауловская имела бурную историю и была одной из самых многочисленных на Дону. Из нее Пугачев высватал себе жену – Софью Недюжину. Перед Мировой войной станица имела 37 поселений с общим населением свыше 30-ти тыс. душ. Большинство станичников погибло в войну и революцию. Под натиском большевиков 29 декабря 1919 г. казаки покинули родное пепелище. По пушистому глубокому снегу, непрерывной цепью, длиною в восемь верст, растянулся транспорт отступающих станичников. Арбы, телеги, сани, запряженные лошадьми и волами, по бокам верховые; многие шли пешком с сумами за плечами. Печальны, угрюмы были лица отступающих; понурились головы, по колена в снегу, шли Есауловцы в изгнание, по временам оборачиваясь на свою родную станицу, крестясь и посылая ей молчаливый прощальный привет. С колокольни храма Св. Архистратига Михаила печально гудел редким перезвоном станичный колокол. На выезде из станицы стоял глубокий старик, с длинной до пояса белой бородой, участник еще Кавказской войны, спод-

29 См.: *Волков П.Г. История моей жизни. (Рукопись).* – Собрание М.Л. Ордовского-Танаевского, Санкт-Петербург.

вижник Бакланова. Когда проходили мимо него последние, снял он шапку, перекрестился – и покатались слезы по длинной бороде, замерзая на концах ледяными сосульками...

В эту ночь отступающие переходили Дон по льду, перебираясь на левый берег. Началась беженская Голгофа. Сначала Сальские степи, уже опустевшие, потом неприветливые Ставропольские села, кубанские хутора и станицы, высокие горы Кавказа, голодное Черноморское побережье. Часть казаков села на пароходы и в сопровождении посланных атаманом помощников переехала в Крым, а остальные продолжили свой крестный путь на Туапсе, Сочи, Адлер, Гагры, Сухум, Поты, Батум. Побывали и в Трапезунде, откуда удалось основной массе станичников, во главе с атаманом, переправиться на Крым.

А там снова переезды – Босфор и, наконец, братская Сербия. С 10 января 1921 г. Есауловцы поселились в селе Томашевац – вместе со станичным атаманом Василием Архиповичем Алферовым и полным составом Правления. С местным населением свыклись, породнились. Почувствовали себя тепло – благо, и доктор в селе был русским, и в сельском правлении чиновник оказался уроженцем Ростова-на-Дону, и учитель сербской школы – свой же, донской казак».

Так в 30-е гг. об Есауловской станице писал парижский журнал «Иллюстрированная Россия», публикуя и фрагменты переписки, которая в первые годы эмиграции велась между атаманом в Томашеваце и Канцелярией колхоза на Дону.

Приводим пример обмена официальными бумагами начала 20-х гг.:

На бланке «В.В.Д. [Всевеликое Войско Донское] Есауловский Станичный Атаман Второго Донского округа, село Томашевац, Банат, Сербия» атаман В.А. Алферов, сообщением за № 99, пишет «Станисполкому Стеньки-Разинской станицы 2-го Донского округа, Царицынской губернии»:

«Урядник хутора Сизова вверенной мне станицы Федор Анисимович Донсков, переписи 1894 года, 20 декабря в 9 час. вечера от рака желудка умер и 22 того же декабря похоронен на городском кладбище в г. Панчево, Банат, Сербия. На могиле покойного поставлен крест. Оставшееся после его смерти имущество продано с аукционного торга на сумму 190 динар, из них 98 динар 50 п. израсходовано на поминавание покойного, а остальные пока хранятся при Станичном Правлении и при первой возможности будут пересланы наследникам. О вышеизложенном прошу объявить жене и детям по-

койного. Станичный Атаман Подъесаул Алферов. И.д. Писаря Киреев». Печать Ст. Правления с изображением оленя, пронзенного на быстром бегу стрелой.

Ответ пришел приблизительно через месяц. Отвечают тоже на бланке: «Р.С.Ф.С.Р. Ст. Разинский Станисполком. 2. Дон. Окр. Цариц. губ. Делопроизв. Административное № 690 на № 99»:

«Есауловскому Станичному Атаману. Сербия. – Стенько-Разинский Станичный Исполнительный Комитет Совета Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов, 2. Донского округа, сообщает, что таковым не приняты никакие меры по Вашему отношению, т.к. 22-х тысячное население района станицы (не считая лево-задонские хутора, как отошедшие в Потемкинскую станицу) в 12-й раз переизбранием своим членов Исполнительного Комитета доверило управлять станицей последним, но не Станичному Атаману (как это Вы воображаете), которое не сочли нужным снять с учета того умершего урядника, который числится у Вас по списку Станичного Правления, т.к. нами урядникам учет не ведется, а ведется только тем славным стойким бойцам Рабоче-Крестьянской Армии. Кроме того, при всем желании Исполнительный Комитет в лице 5 человек не мог найти в карте Европы, в частности Сербии, хутора Сизова, вверенного Вам, а значит таковой в Союзе Советских Социалистических Республик – Царицынской губернии. Вместе с тем тов. Алферов (не питайте обиду, что не называем по Вашему чину г. Подъесаул), давно бы уже Вам нужно явиться с повинной головой к Рабоче-Крестьянскому Правительству и взяться за восстановление хозяйства научным способом, так как Вы уже прошли большую часть земного шара, т.е. От Востока и до Запада, Сибирь – Сербия, а нам такие люди дороги, и не строить такие ненужные вещи в Вашем отношении. Председатель Ст. Разинского Станичного Исп. Комитета П. Беляев, Секретарь Н. Акользин, Делопроизводитель А. Загудаев».

В.А. Алферов, тем же официальным порядком, указав, что полномочий своих никому не сдавал, уведомил Станисполком: «Сношение Ваше за № 670 мною получено, за приглашение благодарю, но явиться к рабоче-крестьянскому правительству не желаю»³⁰.

Нам удалось проследить дальнейшую судьбу этой станицы. В 1956 году на седьмом десятке своих лет атаман В.А. Алферов писал казачке Нестеровой в Швецию:

30 Н.М. [Николай Мельников]. Станичники на чужбине // Иллюстрированная Россия. 1932. № 41 (387). С. 18-19.

«Многоуважаемая Мария Александровна!

Уведомляем Вас, что письмо Ваше, писанное 11-го апреля, мы получили 16 апреля... Мы живем по-старому в том же селе Томашевац. Старший сын Георгий там же у нас в селе, служит в сельском правлении бухгалтером, а жена его сербка-учительница. Живут от нас отдельно, детей не имеют. Второй сын Александр, инженер-архитектор, находится в Южной Америке, в Аргентине. При нем жена-русская и сын 10-ти лет. Сергей окончил Белградский университет и сейчас служит ветеринарным врачом при трех деревнях недалеко от Бечкерека – Лазарево, Эчка и Деспотовац (бывшее Эрнестиново); еще не женат. Четвертый сын Алексей находится при мне, также не женат. При мне и две дочки – Вера и Надежда. Занимаются шитьем женской одежды, как модистки, еще не выданы замуж.

Мы с женой уже в приклонном возрасте и по старости лет к труду мало способны, но по-малу работаем, имеем свой домик.

Все наши русские из Томашеваца расплылись. Остался я один с семьей, да еще один Кубанец в Уздине. Кроме Симона-хромого, кажется, никого там нет. Степан Григорьевич и Мария живут в Сакуле, но давно я их не видел. Илья Филиппович Темарев из Орловата года три как умер, а Феня, его жена, купила дом и живет одна. Было, выдалась замуж за одного старика и разошлась.

С Дона писем никаких не получаем. Кто знал нас – одни состарились, другие поумирали, а молодежь не знает нас. Да и много изменилось там, в особенности в наших краях. Образовалось Цымлянское море, от станиц Котельниково до Нижне-Чирской. Все хутора: Чапурный, Березки, Балабанский, наша станица – все затоплены, остались только на горе Ремесленная и Острог. Образовалось море из-за того, что в Цымлянской станице построили гидроцентральный Дамб. Дон загородили и уровень воды поднялся на 25 метров.

Передавайте наш привет дочке Вашей, кажется Таней звать, и зятю. Думаю, он службу тогда имел в Гардиновце. Итак, бывайте здоровы, В. Алферов»³¹.

Атаман Есауловской скончался в 1961 году.

Современный историк Дона опубликовал историю прославленной Есауловской и в ней упоминает, что в 1924 году из-за малого числа казаков станица стала хутором им. Степана Разина, получившим название по известному казаку из ближайшей станицы. Автор

31 Письмо В.А. Алферова к М.А. Нестеровой от 23 апреля 1956 г. (Рукопись). – Собрание А. Арсеньева.

не указывает настоящую причину переименования станицы – стереть с земли и забыть непокорную в гражданскую войну Есауловскую.

Жизнь молодого русского врача в Южной Сербии

Николай Валерианович Боротинский (1898, Санкт-Петербург – 1940, Ниш, Сербия), участник «Брусиловского прорыва», 1-го Кубанского («Ледяного») похода, воевавший на бронепоезде «Офицер», через Галлиполи попал в Королевство СХС. Шесть лет проучился в Загребском университете и в 1928 году получил диплом врача. Для приобретения врачебной практики Николай Валерианович с женой Ниной Алексеевной, урожд. Хмельовой, был направлен в Скопье, в санаторий «Вардар». Там родилась их дочь Вера и семья приняла югославское подданство. Свое первое место врача Н.В. Боротинский получил в живописном сербском городке Баина-Башта на реке Дрина. Там родилась вторая дочь Мария. Вскоре, по распоряжению Министерства здравоохранения, отец семейства был назначен уездным врачом в глухую провинцию, в село Клисурса Босилеградского уезда, у самой границы Сербии с Болгарией.

Жизнь и работа Боротинских были сопряжены с большой опасностью, так как тогда в пограничных районах орудовали болгарские националисты, *комиты*. Не случайно власти Белграда в отсталые и опасные регионы страны направляли русских выпускников югославских высших учебных заведений.

Вот, какой случай из детства запомнила его дочь Вера:

«Мы ужинаем дома при свете керосиновой лампы. Со двора кто-то окликает врача и сообщает, что группа комитов перешла границу и направляется в деревню. Сразу же задули лампу. Отец, бывший офицер, вынимает пистолет, сажает маму у камина, а в сам камин прячет нас, дочерей. Мать следит, чтобы мы сидели смирно. Папа становится у дверей и наблюдает за лестницей, примыкающей к внешней стене. Если кто попытается по ней бежать вверх, раздастся выстрел. Казалось, что это напряженное ожидание длится целую вечность. Наконец, внизу раздается голос, что группа отступила. Конец осадного положения. Подобное происходило вплоть до 1934 года, до убийства короля Александра I. С тех пор комиты прекратили свои набеги»³².

32 Цит. по: Гимназия в лицах... Кн. 2. С. 419.

Понимая, что дочкам нужно получить среднее образование, Николай Валерианович, уже больной, в апреле 1940 года взял неоплачиваемый отпуск и переехал с семьей в город Ниш. В августе того же года он скончался. Через год вдова с детьми перебралась в Белград, где обе дочери поступили в Русско-сербскую женскую гимназию.

Alexey Arsenyev,
independent researcher

**The arrival of the Russian refugees-émigrés
in the Kingdom of SCS: testimonies**

Abstract: The article publishes the testimonies which were kept in memory by the people who went through the exodus from the homeland. The author has selected the episodes of the evacuation, reception and deployment of the individuals and families in the different regions of the Kingdom of SCS in order to show how the Russian have fitted in the new environment.

Key words: The Russian refugees, émigrés, the Kingdom of SCS.